

ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ ТРАЕКТОРИЙ РАННЕГО ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ: МЕЖДУ ГОМОАРХИЯМИ И ГЕТЕРАРХИЯМИ

Николай Сергеевич Розов (nrozov@gmail.com)

Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия

Цитирование: Розов Н.С. (2026) Политическая социология траекторий раннего цивилизационного развития: между гомоархиями и гетерархиями. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 29(2): 7–26.

<https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.2.1> EDN: EWMYPW

Аннотация. Статья направлена на выявление факторов и механизмов складывания разных типов политических устройств на стадии самого раннего цивилизационного развития, когда варварские общества (племена, вожества, храмовые и ремесленные центры, военные коалиции, первые торговые узлы и сети) начали обретать главные признаки цивилизаций: городскую культуру, черты государственности и письменность. Используется известная шкала, на полюсах которой находятся выраженные гомоархии (централизованные, принудительные, перераспределительные системы власти) и выраженные гетерархии (устойчивые коалиции обществ, скрепляемые договорными и обменными отношениями, сплоченностью для борьбы с общими врагами). Представлены краткие описания каждого случая и перечень 18 гипотетических бинаризованных факторов выбора той или иной траектории эволюционного развития и результаты проведенного качественного сравнительного анализа (QCA) обеих групп, благодаря чему выделены основные конфигурации и «пути» к гомоархиям («сакрально-храмовый», «иригационно-завоевательный») и гетерархиям («интеграция земледельческих обществ», «интеграция обществ жителей гор и лесов»). Для более тонкого анализа выделена группа «гетерархий с оговорками» между этими полюсами. Здесь обнаружены три существенно различные конфигурации факторов и соответствующие типы обществ: «кочевая/подвижная гетерархия», «конкурентные вожества» и «корпоративная протогородская цивилизация». С учетом фактора ранее пройденного пути (path dependency principle) выявленный ряд типов социально-политических устройств, сложившихся на заре цивилизационного развития, обладает богатым эвристическим потенциалом для объяснения обширного разнообразия систем власти в социологическом цивилизационном анализе.

Ключевые слова: социальное развитие, социальная и историческая динамика, социологический цивилизационный анализ, качественный сравнительный анализ, гомоархии и гетерархии, траектории цивилизационного развития.

Значимость ранних этапов генезиса цивилизаций

Не будем вдаваться в весьма запутанные и идеологизированные вопросы о том, что правильно или неправильно называть «цивилизациями». В рамках социологического цивилизационного анализа, восходящего к Н. Элиасу и Ш. Эйзенштадту (Eisenstadt 2000; Элиас 2001; Браславский, Малинов 2024), вполне достаточно учитывать «цивилизационное измерение», в частности бесспорные культурные, ментальные, институциональные инварианты и сходства внутри каждой цивилизационной целостности, отличающие ее от других.

Все современные цивилизации появились через цивилизационные трансформации, из смешения частей прежних цивилизаций с возможным добавлением доцивилизационных компонентов. Последние, согласно классической традиции Л. Моргана, вполне допустимо называть «варварством» или «варварскими обществами», разумеется, отсекая негативные коннотации восходящего к Просвещению колониального превосходства (с пресловутыми грубостью, жестокостью, некультурностью «варваров» и т.п.).

Таким образом, в глубине исторических трансформаций (в том числе разделений и объединений) цивилизаций неизменно обнаруживаются ранние государства, первые империи, города-государства, а также (полу)варварские общества с племенами, вожествами, военными союзами, центрами экономических и культурных обменов как узлами малых или весьма обширных торговых сетей.

Судя по описанным в антропологии XVIII–XX вв. варварским обществам разнообразие типов их порядков, в том числе военно-политических и политико-экономических, было весьма велико. При обретении главных черт цивилизованности (городская культура, элементы государственности и письменности) черты этих порядков могли исчезать (например, при особо жестоких внешних завоеваниях с геноцидом или принудительными массовыми этническими чистками, переселениями), но нередко в том или ином виде сохранялись в последующем цивилизационном развитии (Коллинз 2015). Таков важный исторический компонент как общая эвристика для объяснения различий между локальными цивилизациями.

Для того чтобы разобраться с крайне сложным мозаичным разнообразием обществ в начале складывания черт цивилизации, будем использовать известную в антропологии шкалу с полюсами гомоархий и гетерархий.

Выраженные гомоархии и гетерархии: понятия и случаи

Гомоархии как централизованные структуры вертикальной власти с претензией на монополию в ключевых сферах управления (военная

организация, поддержание порядка, религия и мораль, перераспределение), основанные на подчинении и принудительном перераспределении ресурсов, единстве иерархии, превращались в государства, а при успешных завоеваниях — в империи. *Гетерархии* как децентрализованные структуры с горизонтальными союзными отношениями между паритетными участниками, двумя или более линиями иерархии, основанные на коллегиальном принятии решений и разных формах обмена, имели характер более или менее институционально интегрированных военно-политических коалиций, лиг, конфедераций и т.п. (Crumley 1995; Коротаев и др. 2012; Бондаренко 2024).

Ниже представлены случаи выраженных гетерархий и гомоархий. Выборка включает наиболее соответствующие вышеуказанным признакам общества из древних и относительно недавних эпох, причем более или менее изученные, поскольку нужны будут ответы на сложные вопросы, значит, должно быть достаточно информации в специальной литературе.

Выраженные гомоархии

Раннединастический Шумер развивался на плодородной равнине Месопотамии в зоне ирригационного земледелия. Практиковалось централизованное перераспределение (сбор и хранение продукции в храмовых хозяйствах). Основные социальные группы в номах (городах-государствах) — общинники, храмовая администрация (жрецы), правитель (*эн/энси/лугаль*). Были также рабы, но их роль была небольшой. Оружием владели свободные общинники и дружина правителя. Преобладали патриархальные больше семейные общины (Рыбаков и др. 1997: 45–77; Adams 1966; Crawford 2004).

Древний Египет (Раннее царство) испытывал зависимость от ежегодных разливов Нила. Наряду со скотоводством развивалось ирригационное земледелие при централизованном перераспределении ресурсов. Социальные группы — фараон (обожествляемый правитель), номархи (правители областей), чиновники, жрецы, общинники-земледельцы. Оружием владела армия под контролем фараона (Рыбаков и др. 1997: 147–164; 45–77; Kemp 2006).

Хеттское царство располагалось на горном плато Центральной Анатолии, где развивались земледелие, скотоводство, металлургия. Правитель (монарх, царь) наделял землей представителей знати, причем дань и подати перераспределялись более или менее централизованно. Социальные группы — монарх, родовая знать, жрецы, воины, ремесленники, рабы. Оружием владели представители знати и профессиональное войско. В системе родства преобладали патрилинейные кланы. Власть монарха была

ограничена на ранних этапах народным собранием, а затем советом знати (Рыбаков и др. 1997: 113–127; Вруссе 2005).

Аккадская империя занимала Месопотамию и прилегающие территории (от Персидского залива до Средиземного моря). В основе хозяйства — ирригационное земледелие и контролируемая торговля. Дань с завоеванных территорий перераспределялась централизованно. Социальные группы — царь (Саргон и его династия), военная знать, в том числе назначенные наместники, чиновники, жречество, общинники. Оружием владела только профессиональная армия (Рыбаков и др. 1997: 57–66; Foster 2016).

III династия Ура развивалась в Южной Месопотамии, где сложилось сверхцентрализованное государственное хозяйство. Вся земля была огосударствлена, соответственно, собранные продукты хранились на казенных складах и перераспределялись в форме пайков. Социальные группы — правитель (царь), многочисленное чиновничество и военные, лишенные собственности подневольные работники (*гуруши, нгеме*). Владела оружием только царская армия (Рыбаков и др. 1997: 62–65; Garfinkle 2008).

Новоассирийская империя располагалась в Северной Месопотамии с центром в Ашшуре, контролировала торговые пути. Велось военизированное хозяйство с грабительскими и завоевательными войнами, централизованным перераспределением военной добычи и дани. Практиковались террор и массовые принудительные переселения. Социальные группы — военно-бюрократическая верхушка, наместники, жречество. Оружием владела только крупная профессиональная армия (Рыбаков и др. 1997: 230–245; Radner 2015).

Государство Миттани сложилось в Верхней Месопотамии. В хозяйстве преобладали земледелие, скотоводство и контроль над торговыми путями. Социальные группы — правитель (царь), военная аристократия (*марианни* — колесничная знать), жречество, общинники. Оружием владела военная аристократия индоиранского происхождения (Рыбаков и др. 1997: 103–108; von Dassow 2008).

Ранняя империя Шан/Инь занимала обширную плодородную равнину по течению Хуанхэ. Развивались поливное земледелие, скотоводство, бронзолитейное ремесло. Социальные группы — династический правитель (царь, *ван*), родовая аристократия, жрецы-гадатели, общинники (*чжун*), рабы, набравшиеся из пленных. Оружием владели царские дружинники, а также личные отряды знатных вельмож (Рыбаков и др. 1997: 192–229; Keightley 1999).

Гавайи после объединения королем Камеамеа I. На островах вулканического происхождения (соответственно, с плодородными почвами)

гавайцы занимались ирригационным земледелием (выращивали таро), а также рыболовством. Практиковалось централизованное перераспределение продуктов между вождями и общинами. Социальные группы — король (*алии-нуи*), вожди (*алии*), жрецы и общинники (*макааинана*). Оружием владели вожди и их дружины, составившие королевское войско после объединения (Kuuykendall 1938).

Выраженные гетерархии

Трипольская культура сложилась в лесостепи между Карпатами и Днепром. На своих плодородных черноземах трипольцы вели подсечно-огневое и пашенное земледелие, разводили скот на предгорьях. Жили крупными родовыми матрилинейными общинами. Все свободные общинники владели оружием. По данным археологии, централизация отсутствовала (не было дворцов и больших храмов) при достаточно интенсивных связях между крупными поселениями — протогородами, в которых жили до 15 тыс. человек (Anthony 2007; Chapman 2017).

Культура Сан-Хосе-Моготе сложилась в горной долине реки Оахака (Мексика), где практиковалось раннее земледелие. Социальную структуру составляли кланы со своей иерархией рангов, но с относительным политическим равенством на ранних этапах (Marcus, Flannery 1996).

Вожества Мапуче (Арауканы) занимали южные области Чили с лесами и многочисленными долинами. Здесь природные условия весьма разнообразны. Мапуче занимались земледелием, разводили лам. Социальную структуру составляли патрилинейные роды, объединенные в локальные группы, которые возглавляли военные вожди (*лонко*). Все свободные мужчины владели оружием. Локальные группы образовывали военные союзы перед лицом внешней угрозы (Dillehay 2007).

Лига ирокезов занимала леса северо-востока Северной Америки. Ирокезы вели подсечно-огневое земледелие, продолжали заниматься охотой и собирательством. Ресурсы и блага перераспределялись через дарообмен и коллективные трапезы. Социальная структура конфедерации — объединения пяти-шести племен и матрилинейных родов. Оружием владели все свободные мужчины. Власть осуществляли советы родов и племен, принимавшие решения на основе достигавшегося согласия (Snow 1994).

Союзы вольных обществ Дагестана складывались в узких долинах и предгорьях с дефицитом пригодной для обработки земли. Горцы занимались террасным земледелием и отгонным скотоводством. В отсутствие феодалов сельские общины (*джамааты*) сами управляли своей жизнью и объединялись в патронимические союзы (*тухумы*) с народными собраниями и выборными старейшинами. Общий отказ от учреждения

верховой власти был вполне осозанным. Все свободные общинники (*уздени*) владели оружием (Бобровников 2002).

Предположительные факторы выбора траектории политического развития

Следующий перечень факторов составлен на основе обобщения идей в общих объяснительных концепциях политической эволюции варварских обществ (Карнейро 2006; Гринин и др. 2006; Скотт 2009; Коротаев и др. 2012; Коллинз 2015; Джонсон, Эрл 2017; Крадин 2021; Бондаренко 2024; Crumley 1995) и частных исторических объяснений (см. выше ссылки по представленным случаям). Факторы бинаризованы для последующего использования в качественном сравнительном анализе (Qualitative Comparative Analysis).

Выраженное присутствие фактора («1» в таблицах) обозначается в Булевых формулах заглавной буквой, отсутствие или явная слабость фактора («0» в таблицах) — строчной буквой. Часто имеющаяся «серая зона» по каждому фактору в данном методе не учитывается, что снижает информативность, но позволяет выявлять наиболее явные конфигурации.

В «сырых» формулах каждый блок букв, соединенных логическим умножением, соответствует набору значений факторов отдельного случая. Сами блоки соединены логическим сложением. После стандартных приемов упрощения получаются обычно два и более блоков, представляющие группы случаев, сходных по сочетанию факторов. Они трактуются как альтернативные «пути» к одному типу обществ (Ragin 1987; Ragin 1997; Розов 2009: 206–212). Иными словами, итог (выраженная гомоархия или гетерархия) получается при нестрогой дизъюнкции сочетаний значений гипотетических факторов.

Фактор М — климат и предсказуемость ресурсов

1, М — высокая предсказуемость и концентрация критических ресурсов. Климат и экология позволяют регулярно производить и/или концентрировать значительные излишки ресурсов (зерно, вода, пастбища) в локализуемых точках.

0, m — низкая предсказуемость или дисперсность критических ресурсов. Ресурсы непредсказуемы (из-за засух, наводнений, заморозков и т.п.) или распределены по территории (луга, пастбища, промысловые угодья), что затрудняет их контроль из одного центра.

Фактор D — стесненность, физическая или социальная (circumscription)

1, D — высокая степень стесненности. Плодородные/пригодные для жизни земли со всех сторон окружены естественными барьерами

(пустыни, горы, море) или уже заняты другими достаточно сильными и недружественными обществами. Война за ресурсы ведет к завоеванию, так как бежать некуда.

0, d — низкая степень стесненности. Существуют обширные свободные (или слабозаселенные) пригодные территории на периферии. Конфликт ведет к рассеянию и сегментации, а не к подчинению.

Фактор L — проницаемость ландшафта

1, L — низкая стоимость проекции силы. Территория характеризуется высокой проходимостью (равнины, плато, развитая сеть троп/дорог, судоходные реки), что позволяет вооруженным группам быстро перемещаться и контролировать большие площади.

0, l (эль) — высокая стоимость проекции силы. Территория фрагментирована естественными барьерами (горные хребты, густые леса, болота, архипелаги островов), что затрудняет перемещение крупных отрядов и позволяет малым группам эффективно обороняться.

Фактор R — возможность изъятия ресурсов

1, R — ресурсы легко поддаются учету, изъятию, транспортировке и хранению. Основные ресурсы (зерно, металлы, ткани, рабы) являются «точечными» (растут/производятся в конкретном месте) и/или «неподвижными» (например, хранятся на складах).

0, r — ресурсы трудно поддаются учету и изъятию. Основные ресурсы являются «распределенными» (скот на пастбищах, промысловая дичь) и/или «мобильными» (скот, караваны), их сложно конфисковать и накопить в одном месте.

Фактор S — способ жизнеобеспечения

1, S — доминирование оседлого земледелия и/или стационарного ремесла. Население привязано к конкретным обрабатываемым участкам земли и/или мастерским.

0, s — доминирование подвижных форм хозяйства: кочевое или полукочевое скотоводство, морской/речной промысел, интенсивная охота-собирачество, требующие сезонных перемещений.

Фактор T — политико-экономический режим

1, T — преобладание редистрибутивных и/или даннических отношений. Основной механизм движения благ — централизованный сбор (в виде дани, налогов, подношений) и последующее перераспределение правителем/элитой (храмовые запасы, ритуалы и пиры, выплаты дружине).

0, t — доминирование реципрокных (взаимных) и рыночно-торговых отношений. Основной механизм движения благ — прямой обмен (дар-

отдар, бартер) или опосредованная торговля (через деньги или их эквиваленты) между домохозяйствами, общинами и регионами.

Фактор В — характер управления общественными благами («проблема коллективного действия»)

1, В — преобладание общественных благ, требующих централизованного управления. Существуют критически важные и неделимые проекты, требующие координации и принуждения (крупные ирригационные системы, единая оборона от кочевников по длинной границе), что создает спрос на «стационарного бандита» (централизованного правителя).

0, в — преобладание общественных благ, решаемых на локальном уровне. Ключевые проблемы обороны и пользования ресурсами (орошение, охрана пастбищ) эффективно решаются на уровне общины, клана или племени без надобности в надстроенной централизованной власти.

Фактор I — характер экономических институтов

1, I — высокие транзакционные издержки обмена и договоров. Отсутствие доверия, общих норм, механизмов арбитража и защиты прав делает долгосрочные горизонтальные договоры между группами крайне дорогими и ненадежными. Централизованное принуждение становится самым «дешевым» решением.

0, i — низкие транзакционные издержки обмена и договоров. Существуют общие культурные нормы, эффективные (ритуальные или судебные) механизмы разрешения споров и высокий уровень доверия внутри этнолингвистической или религиозной общности, что делает горизонтальные альянсы устойчивыми.

Фактор С — военное наследие

1, С — в предшествующий период (примерно 50–100 лет) доминировала практика успешных военных завоеваний с установлением политического контроля победителя над побежденными. Войны носили характер подчинения, а не просто набега.

0, с — в предшествующий период военные конфликты не приводили к устойчивому политическому подчинению. Преобладали набеги, грабительские войны, ритуализированные столкновения или достижение баланса сил, без завоеваний.

Фактор V — наличие лидера-спасителя как символа интеграции

1, V — в прошлом (в пределах живой исторической памяти, примерно 2–3 поколения) перед лицом внешней экзистенциальной угрозы регион

был объединен под руководством единственного правителя, харизматического лидера или доминирующего клана, чьи заслуги легитимизируют централизацию.

0, v — перед лицом внешней угрозы коалиция обществ организовала успешную коллективную оборону, что закрепило практику договорных отношений и коллегиальных решений как основу союза.

Фактор P — асимметрия силы

1, P — явное преимущество одного центра в военной мощи. Одно из потенциально объединяемых обществ (племя, вождество, город-государство) обладает качественным и количественным военно-политическим превосходством (более чем в два раза по мобилизуемым силам, технологиям, союзникам) над любым другим.

0, p — полицентризм и примерный паритет сил. Не существует явного гегемона; потенциальные центры объединения сопоставимы по силе, образуя многополярную систему.

Фактор G — монополия элиты на применение силы

1, G — сильная асимметрия в доступе к военным технологиям и организации. Элита (вожди, знать) обладает существенным технологическим (дорогое вооружение, доспехи, крепости) и/или организационным (профессиональная дружина) преимуществом, недоступным основной массе взрослого мужского населения.

0, g — распространенное право и возможность носить оружие. Основная масса домохозяйств/родов обладает собственным оружием и военными навыками, необходимыми для традиционного образа жизни. Военная организация основана на народном ополчении.

Фактор W — тип войн

1, W — «войны на уничтожение» или «войны за землю». Целью военных конфликтов является захват ключевых ресурсов (пахотной земли, городов), требующих постоянного контроля и эксплуатации покоренного населения.

0, w — «войны за дань/престиж». Целью конфликтов является получение дани, пленных, скота или символического превосходства без стремления к прямому контролю над территорией противника.

Фактор E — внешний образец государственности

1, E — наличие престижного и известного образца централизованного государства. Через торговлю, конфликты, культурный обмен элитам

региона хорошо известен престижный пример успешной государственности, который можно имитировать или на который можно ориентироваться.

0, е — отсутствие или незначимость внешних образцов централизованного государства. Элиты региона не имеют контактов с такими образцами, либо они не воспринимаются как релевантные и престижные.

*Фактор А — характер источника
и обоснования легитимности власти*

1, А — «небесная», или внешняя сакральность власти. Источник легитимности правителя — потусторонние силы (боги, Небо, Абсолют), с которыми он имеет эксклюзивную связь (жрец, сын Бога, избранник), что делает власть не подотчетной общине.

0, а — «земная» или имманентная легитимность власти, источник которой — сама община, ее предки, традиция и прямой договор. Правитель — первый среди равных, его власть производна от воли и доверия сородичей/сограждан, что ограничивает произвол.

Фактор Z — культурная память и травма

1, Z — коллективная травма децентрализации. В исторической памяти элит и/или народа живы катастрофические последствия периода безвластия, междоусобиц и анархии (хаос, смута, «война всех против всех»), что создает запрос на сильную центральную власть как спасительный порядок.

0, z — коллективная травма тирании. В исторической памяти живы катастрофические последствия злоупотреблений со стороны предыдущей централизованной власти (деспотии, репрессий, конфискации имущества), что создает культурные запреты и институциональные «предохранители» против концентрации власти.

Фактор N — структура родства

1, N — патрилинейный или жесткий клановый принцип с сильной патриархальной властью. Общество построено на иерархических, сегментированных линиях родства, где авторитет главы рода/семьи абсолютен.

0, n — билатеральная/когнатическая или «сегментарная» система родства. Отсутствие жесткой иерархии, возможность выбора родства, сильные позиции материнской линии или возрастных групп (военные/мужские союзы), что поддерживает множественность центров влияния и сетевые связи.

Фактор U — идейная и культурная гомогенность

1, U — высокая степень общности базовых культурных символов (святынь) и картин мира. Население региона разделяет главные элементы религиозного культа, ключевых мифов (о своем происхождении, героях), символики и исторической традиции, отличающие их от непосредственных соседей.

0, u — низкая степень общности базовых культурных символов (святынь) и картин мира. Население региона состоит из групп с различными культурами, мифами-основаниями и историческими традициями, которые могут быть ближе к традициям внешних групп, чем друг к другу.

**Факторы и пути возникновения гомоархий,
в том числе централизованных государств**

После кодирования случаев, составления и упрощения Булевых формул с логическим умножением и сложением блоков малых и заглавных букв, соответствующих 0 и 1 в таблицах (Ragin 1987; 1997; Розов 2009: 206–212) итоговая формула для гомоархий выглядит так:

$$BSGTP(ICV+UADMev),$$

где вынесенные за скобку признаки трактуются как необходимые факторы:

B — преобладание общественных благ, требующих централизованного управления,

S — доминирование оседлого земледелия и/или стационарного ремесла,

G — асимметрия в доступе к военным технологиям и организации, в частности монополизация оружия элитой,

T — преобладание редиистрибутивных и/или даннических отношений,

P — явная гегемония одного центра с его превосходством (более чем в два раза по мобилизуемым силам, технологиям, союзникам) над любым другим.

Формула указывает на две основные конфигурации, различающиеся по источнику легитимности и роли культурной однородности:

— *сакрально-храмовый* как самый ранний, «первопроходческий» путь — $BSGTP*UADMev$; такие общества развиваются в благоприятных экологических нишах с высокой предсказуемостью и концентрацией критических ресурсов (M), что позволяет элите, контролирующей ритуалы, религию (A) и экономику храмового/дворцового хозяйства, выстроить иерархию при отсутствии внешних образцов гомоархий (e) и без масштабных завоеваний; отсутствие лидера-спасителя (v) компенсируется сакрализацией самой должности правителя (фараон — бог, энси —

наместник бога); стесненность (D) заставляет людей оставаться и подчиняться, к этому пути относятся ранний Египет и Шумер.

— *классический ирригационно-завоевательный* путь к гомоархии — BSGTP*ICV — наиболее распространен; таков «идеальный тип» раннего государства, которое через серию завоеваний (C), как правило под руководством харизматического лидера-объединителя (V), устанавливает гегемонию (P); культурная гомогенность (U) не является обязательной — империя может управлять разными народами; таковы Аккад, Ур III, Хетты, Шан/Инь, Миттани, Новоассирийская империя.

Два эволюционных пути к гетерархиям

Для выраженных гетерархий (Триполье, Лига ирокезов, Сан-Хосе-Моготе, Мапуче, Союзы Дагестана) получаем формулу.

$$cgrpvwz(USt + Ir),$$

где вынесенные за скобку признаки трактуются как необходимые факторы:

c — в предшествующий период военные конфликты не приводили к устойчивому политическому подчинению,

g — распространенное право и возможность носить оружие,

p — полицентризм и примерный паритет сил,

v — интеграция через коллективный договор,

i — низкие трансакционные издержки обмена и договоров,

w — войны за дань/престиж, а не на уничтожение,

z — наличие коллективной травмы тирании,

Кроме того, выявлены два основных пути (конфигурации) к формированию гетерархии:

— *интеграция земледельческих обществ* (Триполье, Сан-Хосе-Моготе, отчасти Ирокезы) — $cgrpvwz*USt$; таковы коалиции аграрных сообществ (S), в которых культурная гомогенность (U) и развитые механизмы реципрокности (t) выступают как функциональный эквивалент государства;

— *интеграция обществ жителей гор и лесов* (Мапуче, Дагестан) — $cgrpvwz*Ir$ — возникают в условиях сложного, фрагментированного ландшафта (l), который делает завоевание и проекцию силы дорогими и неэффективными, при этом ресурсы трудно изъять (r); война остается в духе набегов (w), ведь незачем завоевывать то, что нельзя удержать.

В гомоархиях необходим запрос на централизацию (B) и структуры контроля (S, G, T, P). Там, где элите удается монополизировать наси-

лие (G) и редистрибуцию (T) в условиях оседлости (S) и превосходства одного центра (P), запускается линия гомоархии и «государственный модус».

В гетерархиях необходим набор блокираторов централизации (c, g, p, v, i, w, z) и горизонтальные механизмы. Там, где оружие остается у народа (g), ресурсы циркулируют через обмен (t), а центры силы примерно паритетны (p) и договариваются (v), включается «гетерархический модус». Такова центральная ось расхождения.

Чтобы сделать последующий анализ факторов расхождения более тонким, включим в рассмотрение промежуточную группу.

Гетерархии с оговорками

Представляют собой горизонтальные коалиции более или менее равных по силе обществ, но, в отличие от выраженных гетерархий, в них не обнаруживается признаков регулярных собраний, общих ритуалов, институтов разрешения споров. Здесь союзы неустойчивые, а насильственные конфликты достаточно частые.

Хараппская культура сложилась на плодородных равнинах вдоль реки Инд и ее притоков. Практиковалось ирригационное земледелие (пшеница, ячмень), скотоводство (зебу, буйволы), обширная дальняя торговля (с Месопотамией), ремесла (металлургия, обработка камня). Сельскохозяйственная продукция и ремесленные товары обменивались, вероятно, отчасти перераспределялись в крупных городских центрах. Был установлен контроль над торговыми путями. Судя по размерам жилищ и погребальному инвентарю, социальная структура включала элиту, ремесленников и общинников-земледельцев. Нет остатков дворцов и других свидетельств наличия «царей». Следы насилия и укреплений редки. Оружием владели, вероятно, профессиональные воины или ополчение. Существовала стандартизация мер, весов, архитектуры, планировки городов и письменности на огромной территории, что указывает на мощные координирующие институты, общие ритуалы и механизмы разрешения споров, необязательно совпадающие с иерархической властью одного правителя (Кеноуер 1998; Possehl 2002).

Конфедерация ойратов (предков калмыков) занимала степи и предгорья Джунгарии, охватывавшей части Южной Сибири и Западной Монголии. Ойраты занимались кочевым скотоводством (лошади, овцы, верблюды), охотой, делали набеги, собирали дань с оседлых народов. Военная знать (*нойоны* и *тайши*) перераспределяли пастбища, собираемую дань и добычу от набегов. Ойраты торговали с Китаем и Средней Азией. Оружием владели все свободные мужчины-кочевники, составлявшие опол-

чение. Социальная структура включала правящие княжеские роды (*чорос*, *торгоут* и др.) и подвластное им население: простых кочевников, зависимых людей из пленных. Союзы относительно равных по силе племен (*хошун*) находились под номинальным руководством хана. Союзы были неустойчивыми, с нередкими внутренними распрями и насильственными конфликтами. Хотя периодически проводились общие собрания (*курултаи*) и существовали правовые кодексы, они не предотвращали расколов и междоусобиц. На поздних этапах усиливалась тенденция к большей централизации, союз становился Джунгарским ханством (Khodarkovsky 1992).

Союз племен бедуинов сложился среди пустынь, полупустынь и оазисов Центральной Аравии. Бедуины занимались кочевым скотоводством (верблюды, овцы, козы), караванной торговлей, земледелием в оазисах и грабительскими набегами на оседлые общества, получением дани с подчинившимися. Перераспределение проводилось в порядке племенной взаимопомощи. Осуществлялся контроль за колодцами и пастбищами. Социальная структура включала патрилинейные родоплеменные группы с выборными шейхами. Все взрослые мужчины племени владели оружием, было сильно эгалитарное начало. Племенные союзы (такие, как конфедерация *Анайза*) формировались на основе происхождения и военной необходимости. При отсутствии постоянных надплеменных институтов власти союзы были весьма подвижными. Собрания и общие ритуалы в масштабах крупных союзов были слабо развиты. Конфликты (особенно *газу* — набеги) были основным инструментом перераспределения ресурсов и регулирования отношений. Разрешение споров часто зависело от авторитета отдельных шейхов или обычного права (*урф*), а не от постоянных институтов (Хазанов 2002; Крадин 2021; Lancaster 1997).

Союз афганских племен (особенно пуштунов) сложился в горных долинах и полупустынных плато Гиндукуша. Афганцы занимались террасным земледелием, отгонным скотоводством. Велся контроль над торговыми путями. Перераспределение осуществлялось вождями (ханами) на основе обычая и власти. Все взрослые свободные мужчины владели оружием, соответственно, среди них сохранялись сильные традиции равенства. Определенную роль играли советы (*джирга*), хотя они собирались редко. Сегментарная социальная структура включала линиджи, племена и кланы. Союзы племен (*ли джариги*) собирались для конкретных целей (оборона, набег) и легко распались. Не существовало постоянных надплеменных институтов. Конфликты (*бадел*) и кровная месть оставались системообразующими элементами (Ahmed 1980; Barfield 2010).

Тревожная зона неустойчивости

После кодировки случаев «гетерархии с оговорками» по тем же 18 факторам и упрощения получаем следующую формулу:

$$pv(\text{csgrt} + \text{SRCGT} + \text{LSRgcUt}),$$

где общими факторами вполне ожидаемо являются:

p — полицентризм и примерный паритет сил;

v — перед лицом внешней угрозы коалиция обществ организовала успешную коллективную оборону.

Теперь рассмотрим три выявленных разновидности такого типа обществ. Каждая включает дополнительные условия, создающие неустойчивость и внутреннюю напряженность.

Кочевая/подвижная гетерархия (pv^*csgrt) характерна для обществ с кочевым или полукочевым скотоводством. Отсутствие завоевательной традиции (c) и развитого земледелия (s), всеобщая вооруженность (g), трудность изъятия ресурсов (r) и реципрокная экономика (t) делают централизацию затруднительной. Гетерархия здесь неустойчива и циклична. Напряжение создавалось противоречием между трудностью постоянного подчинения подвижных кочевников (rs) и возможностями союзов для набегов, завоеваний под началом харизматичного вождя.

Конкурентные вождества (pv^*SCGTR) возникают среди оседлых земледельцев и рыбаков (S), у которых легче изымать ресурсы (R). Завоевательная традиция (C), соответственно, развитая военная элита (G) и редистрибутивная экономика (T) составляют типичные компоненты гомоархии. Однако отсутствие явного гегемона (p), объединительного мифа о спасителе при наличии памяти об успешном объединении для обороны (v) блокируют тренды к централизации. Поэтому складывается система примерно паритетных конкурентных, но внутренне иерархичных политий. Такой баланс крайне неустойчив и нередко разрешается в пользу гомоархии при изменении баланса сил, когда у одного вождества появляется принципиальное военно-техническое преимущество и/или харизматический лидер. Наличие предпосылок для гомоархии (CGT) при блокировке финального шага (pv) создавало «горячую» неустойчивость, что вело к постоянным войнам. К этому типу неустойчивых гетерархий относятся Гавайские вождества до объединения.

Корпоративная протогородская цивилизация ($pv^*LSRgcUt$) — особый случай Хараппы — сочетает факторы, как способствующие, так и препятствующие централизации. С одной стороны, есть условия для гомо-

архии: проницаемый ландшафт (L), оседлость (S), легкое изъятие и хранение ресурсов (R). С другой стороны, отсутствуют ключевые «триггеры»: не было завоевательной традиции (с) и монополии на оружие (g), экономика основана преимущественно на обмене (t), не было общества-гегемона (p). Поэтому сложилась уникальная по своему масштабу, но при этом, видимо, безгосударственная гетерархия, где интеграция обеспечивалась стандартизацией культуры (U) и сложными сетями обмена. Для Харатты напряжение было обусловлено сочетанием «удобных» для централизации географических и экономических условий (LR) с мощными культурными и социальными механизмами, блокирующими узурпацию власти (cgt). Такая «холодная» устойчивость могла сохраняться веками.

Таким образом, «гетерархии с оговорками» — это не промежуточная стадия, а скорее неустойчивое равновесие или специфическая адаптация. Их возникновение определяется не одним путем, а несколькими, где ключевую роль играют конкретные сочетания факторов, препятствующих централизации, на фоне наличия отдельных факторов, которые ее стимулируют. Это делает такие системы динамичными и исторически переходными.

Заключение

Итак, с помощью качественного сравнительного анализа (QCA) на основе выделенных трех групп случаев выделены основные конфигурации обществ при переходе от варварства к цивилизованности:

- выраженные гомоархии — «сакрально-храмовые общества», «иригационно-завоевательные общества»;
- выраженные гетерархии — «интеграция земледельческих обществ», «интеграция обществ жителей гор и лесов»;
- гетерархии с оговорками — «кочевая/подвижная гетерархия», «конкурентные вождества», «корпоративная протогородская цивилизация».

С учетом фактора ранее пройденного пути (path dependency principle) выявленный ряд типов социально-политических устройств представляется богатым эвристическим потенциалом для объяснения обширного разнообразия систем власти в социологическом цивилизационном анализе. Речь должна идти прежде всего об отношениях между правителями, центрами силы, группами чиновных, экономических и духовных элит, о типах конфликтов между ними, а также об институтах элитарных советов.

Все эти черты устройств власти в разных цивилизациях, хоть и получают нередко стандартные (преимущественно вестернизированные названия), всегда обнаруживают характеристики с уходящими вглубь истории

корнями. Выявленные типы переходных обществ следует трактовать как исходные паттерны, предположительно, лежащие в основе властных аспектов цивилизационного разнообразия.

Литература / References

Бобровников В. О. (2002) *Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие*. М.: Восточная литература.

Bobrovnikov V. O. (2002) *Muslims of the North Caucasus: Custom, Law, Violence*. Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).

Бондаренко Д. М. (2024) Принципы и формы организации обществ как систем институтов (концептуальная рамка этой книги). Бондаренко Д. М., Александров Г. В. (ред.). *Принципы и формы социокультурной организации: исторические контексты взаимодействия*. М.: Языки славянских культур: 7–50.

Bondarenko D. M. (2024) Principles and Forms of Organization of Societies as Systems of Institutions (Conceptual Framework of this Book). Bondarenko D. M., Aleksandrov G. V. (eds.) *Principles and Forms of Sociocultural Organization: Historical Contexts of Interaction*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur: 7–50 (in Russian).

Браславский Р. Г., Малинов А. В. (отв. ред.) (2024) *Цивилизационное многообразие современного мира*. М.: ФНИСЦ РАН.

Braslavsky R.G., Malinov A.V. (eds.) (2024) *Civilizational Diversity in the Modern World*. Moscow: Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (FCTAS RAS) (in Russian).

Гринин Л. Е., Бондаренко Д. М., Крадин Н. Н., Коротаев А. В. (отв. ред.) (2006) *Раннее государство, его альтернативы и аналоги*. Волгоград: Учитель.

Grinin L. E., Bondarenko D. M., Kradin N. N., Korotayev A. V. (eds.) (2006) *The Early State, Its Alternatives and Analogues*. Volgograd: Uchitel' (in Russian).

Джонсон А., Эрл Т. (2017) *Эволюция человеческих обществ*. Пер. с англ. И. В. Кузнецова, Е. Еремеевой. М.: Издательство института Гайдара.

Johnson A., Earle T. (2017) *The Evolution of Human Societies. From Foraging Group to Agrarian State*. Moscow: Izdatelstvo Instituta Gaydara (in Russian).

Карнейро Р. (2006) Теория происхождения государства. Гринин Л. Е., Бондаренко Д. М., Крадин Н. Н., Коротаев А. В. (отв. ред.). *Раннее государство, его альтернативы и аналоги*. Волгоград: Учитель: 55–70.

Carneiro R. (2006) A Theory of the Origin of the State. In: Grinin L. E., Bondarenko D. M., Kradin N. N., Korotayev A. V. (eds.) *The Early State, Its Alternatives and Analogues*. Volgograd: Uchitel' (in Russian).

Коллинз Р. (2015) *Макроистория: опыты социологии большой длительности*. Пер. с англ. Н. С. Розова. М.: УРСС.

Collins R. (2015) *Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run*. Moscow: URSS (in Russian).

Коротаяев А. В., Бондаренко Д. М., Гринин Л. Е. (2012) Социальная эволюция: альтернативы и варианты (к постановке проблемы). Гринин Л. Е., Ильин И. В., Коротаяев А. В. (ред.) *Универсальная и глобальная история (эволюция Вселенной, Земли, жизни и общества)* Волгоград: Учитель: 348–377.

Korotayev A. V., Bondarenko D. M., Grinin L. E. (2012) Social Evolution: Alternatives and Variants (Towards a Problem Statement). In: Grinin L. E., Ilyin I. V., Korotayev A. V. (eds.) *Universal and Global History (The Evolution of the Universe, Earth, Life, and Society)*. Volgograd: Uchitel: 348–377 (in Russian).

Крадин Н. Н. (2021) *Происхождение неравенства, цивилизации и государства*. СПб: Издательство Олега Бышко.

Kradin N. N. (2021) *The Origin of Inequality, Civilization, and the State*. St. Petersburg: Oleg Byshko Publishing House (in Russian).

Розов Н.С. (2009) *Историческая макросоциология: методология и методы*. Новосибирск: НГУ.

Rozov N. S. (2009) *Historical Macrosociology: Methodology and Methods*. Novosibirsk: Novosibirsk State University (in Russian).

Рыбаков Р.Б. и др. (отв. ред.) (1997) *История Востока в шести томах*. Т. I. М.: Восточная литература.

Rybakov R.B. et al. (eds.) (1997) *History of the East in Six Volumes*. Vol. I. Moscow: Vostochnaya Literatura (in Russian).

Скотт Дж. (2009) *Искусство быть неподвластным. Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии*. Пер. с англ. И. Борисовой. М.: Новое издательство,

Scott J. (2009) *The Art of Not Being Governed: An Anarchical History of the Highlands of Southeast Asia*. Moscow: Novoe Izdatelstvo (in Russian).

Хазанов А. М. (2002) *Кочевники и внешний мир*. Алматы: Дайк-Пресс.

Khazanov A.M. (2002) *Nomads and the Outside World*. Almaty: Daik-Press (in Russian).

Элиас Н. (2001) *О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования*. В 2-х тт. М.–СПб: Университетская книга.

Elias N. (2001) *On the Process of Civilization: Sociogenetic and Psychogenetic Studies*. 2 vols. Moscow–St. Petersburg: Universitetskaya Kniga (in Russian).

Adams R. (1966) *The Evolution of Urban Society: Early Mesopotamia and Prehispanic Mexico*. Chicago: Aldine.

Ahmed A.S. (1980) *Pukhtun Economy and Society: Traditional Structure and Economic Development in a Tribal Society*. London: Routledge; Kegan Paul.

Anthony D. W. (2007) *The Horse, the Wheel, and Language: How Bronze-Age Riders from the Eurasian Steppes Shaped the Modern World*. Princeton: Princeton University Press.

Barfield T.J. (2010) *Afghanistan: A Cultural and Political History*. Princeton University Press.

Bryce T. (2005) *The Kingdom of the Hittites*. Oxford: Oxford University Press.

Chapman J. (2017) *The Vinča Culture of South-East Europe: Studies in Chronology, Economy and Society*. *British Archaeological Reports (BAR) International Series*. Oxford: Archaeopress.

Crawford H. (2004) *Sumer and the Sumerians*. Cambridge: Cambridge University Press.

Crumley C.L. (1995) Heterarchy and the Analysis of Complex Societies. *Archeological Papers of the American Anthropological Association*, 6(1): 1–5.

Dassow von E. (2008) State and Society in the Late Bronze Age: Alalah under the Mittani Empire. *Studies on the Civilization and Culture of Nuzi and the Hurrians* 17. Bethesda, MD: CDL Press: 70–246.

Dillehay T. D. (2007) *Monuments, Empires, and Resistance: The Araucanian Polity and Ritual Narratives*. Cambridge: Cambridge University Press.

Eisenstadt S. N. (2000) The Civilizational Dimension in Sociological Analysis. *Thesis Eleven*, 62(1): 1–21.

Foster B.R. (2016) *The Age of Agade: Inventing Empire in Ancient Mesopotamia*. London: Routledge.

Garfinkle S. J. (2008) Was the Ur III state bureaucratic? Patrimonialism and bureaucracy. In: Johnson J.C., Garfinkle S.J. (eds.) *The Growth of an Early State in Mesopotamia: Studies in Ur III Administration*. Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Científicas: 55–80.

Keightley D. N. (1999) The Shang: China's First Historical Dynasty. Loewe M., Shaughnessy E. L. (eds.) *The Cambridge History of Ancient China: From the Origins of Civilization to 221 B.C.* Cambridge: Cambridge University Press: 232–291.

Kemp B.J. (2006) *Ancient Egypt: Anatomy of a Civilization*. London: Routledge.

Kuykendall R.S. (1938) *The Hawaiian Kingdom. Volume 1: Foundation and Transformation, 1778–1854*. Honolulu: University of Hawaii Press.

Marcus J., Flannery K.V. (1996) *Zapotec Civilization: How Urban Society Evolved in Mexico's Oaxaca Valley*. London: Thames and Hudson.

Radner K. (2015) Royal pen pals: the kings of Assyria in correspondence with officials, clients and total strangers (8th and 7th centuries BC). In: Procházka S., Reinfandt L., Tost S. (eds.) *Official Epistolography and the Language(s) of Power*. Vienna: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften: 61–72.

Ragin Ch. (1987) *The Comparative Method: Moving Beyond Qualitative and Quantitative Strategies*. Berkeley: University of California Press.

Ragin Ch. (1997) Turning the Tables: How Case-Oriented Research Challenges Variable-Oriented Research. *Comparative Social Research*, 16: 27–42.

Snow D.R. (1994) *The Iroquois*. Oxford: Blackwell Publishers.

POLITICAL SOCIOLOGY OF THE TRAJECTORIES OF EARLY CIVILIZATIONAL DEVELOPMENT: BETWEEN HOMOARCHIES AND HETERARCHIES

Nikolai S. Rozov (nrozov@gmail.com)

The Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia

Citation: Rozov N.S. (2026) Political sociology of the trajectories of early civilizational development: between homoarchies and heterarchies. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 29(2): 7–26 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.2.1> EDN: EWMYPW

Abstract. This article aims to identify the factors and mechanisms that underlie the formation of different types of political systems during the earliest stage of civilizational development. During this stage, barbarian societies (e.g., tribes, chiefdoms, temple and craft centers, military coalitions, and the first trade hubs and networks) began to acquire key characteristics of civilizations, such as urban culture, features of statehood, and writing. The article uses a well-known scale with pronounced homoarchies (centralized, coercive, and redistributive systems of power) at one pole and pronounced heterarchies (stable coalitions of societies bound by contractual and exchange relationships and united in the struggle against common enemies) at the other. Brief descriptions of each case are provided, along with a list of eighteen hypothetical binary factors that influence the choice of a particular evolutionary developmental trajectory. A qualitative comparative analysis (QCA) was conducted on both groups, and the results are presented here. The analysis identified the main configurations and “pathways” leading to homoarchies (“sacred temple” and “irrigation conquest”) and heterarchies (“integration of agricultural societies” and “integration of mountain and forest societies”). To provide a more nuanced analysis, a group of “heterarchies with reservations” was identified between these two types of societies. Three substantially different configurations of factors and corresponding types of societies were discovered: “Nomadic/mobile heterarchy,” “competitive chiefdoms,” and “corporate proto-urban civilization.” Considering the factor of the path previously taken (“path dependency principle”), the range of socio-political structures identified at the dawn of civilizational development appears to offer rich heuristic potential for explaining the vast diversity of power systems in sociological civilizational analysis.

Keywords: social development, social and historical dynamics, sociological civilization analysis, qualitative comparative analysis, homoarchies, heterarchies, trajectories of civilization development.